

Банман Полина Павловна, Леглер Анна Анатольевна

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ И ОБРАЗ РОССИИ КАК "СВОЕ" И "ЧУЖОЕ" (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ Э. Э. ДВИНГЕРА "DIE ARMEE HINTER STACHELDRAHT")

В данной статье основное внимание акцентируется на составляющих образа России и Германии: географической, культурно-бытовой и политической/патриотической, каждая из которых получает свое выражение в мемуарах Э. Э. Двингера, военнопленного Первой мировой войны. В результате формируется положительный и "светлый" образ Германии - образ жизни и отрицательный и "темный" образ России - образ смерти.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 69-71. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Longman Dictionary of Contemporary English.** Edinburgh: Pearson Education, 2009. 1950 p.
7. **Make** [Электронный ресурс] // Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/make> (дата обращения: 14.09.2016).
8. **Readers recommend: share your songs about religion** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/music/2016/sep/29/readers-recommend-share-your-songs-about-religion> (дата обращения: 22.09.2016).
9. **Swan M.** Practical English Usage. Oxford: Oxford University Press, 2011. 658 p.

PREDICATIVE-ARGUMENTATIVE STRUCTURE OF ENGLISH CAUSATIVE CONSTRUCTIONS LIKE “MAKE ONESELF UNDERSTOOD” AND ITS REALIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Baklagova Yuliya Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kuban State University
liliann@mail.ru

The article is devoted to studying the predicative-argumentative structure of the English causative constructions “make oneself understood”, “make oneself heard”, “make oneself known” and the specifics of its realization in the Russian language. The author identifies a type of the taxonomic category for each predicate and a set of obligatory and optional arguments. The argument represents common features of the situation participants and is a component of the predicate’s semantics. Changing a set of arguments involves the change of causative perspective of the sentence.

Key words and phrases: causative construction; predicate; argument; causator; causat; taxonomic category; reflexive.

УДК 10.02.20

В данной статье основное внимание акцентируется на составляющих образа России и Германии: географической, культурно-бытовой и политической/патриотической, каждая из которых получает свое выражение в мемуарах Э. Э. Двингера, военнопленного Первой мировой войны. В результате формируется положительный и «светлый» образ Германии – образ жизни и отрицательный и «темный» образ России – образ смерти.

Ключевые слова и фразы: мемуары немецких военнопленных; образ Германии; образ России; контрастное противопоставление понятий «свое» и «чужое»; «парадигма отчуждения».

Банман Полина Павловна, к. филол. н.
Леглер Анна Анатольевна, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
banman.poly@yandex.ru; anlegler@yandex.ru

ОБРАЗ ГЕРМАНИИ И ОБРАЗ РОССИИ КАК «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРОВ Э. Э. ДВИНГЕРА «DIE ARMEE HINTER STACHELDRAHT»)

Целью данной статьи является исследование контрастного противопоставления образа Германии как «своего» и образа России как «чужого». Обращение к данной проблеме обусловлено не только теоретическими предпосылками, но и практическими потребностями общества, поскольку сложившийся образ «врага» в немецкой и русской лингвокультурах на многие годы отложился в памяти народов. Мемуарная литература является ценным источником информации, так как именно в данных текстах реализуется особый способ восприятия мира. А. Г. Тартаковский трактует мемуары как «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста» [3, с. 24], утверждая, что в мемуарах последовательно и полно «реализуется историческое самосознание личности – в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников» [Там же]. Исследование выполняется на текстовом материале мемуаров Э. Э. Двингера «Die Armee hinter Stacheldraht» (1929) и его переводе на русский язык «Армия за колючей проволокой» (2004). Данное произведение является первой частью трилогии, которую называют «немецкие хождения по мукам», далее следуют «Zwischen Weiß und Rot. Die russische Tragödie. 1919-1920» (1930) и «Wir rufen Deutschland. Heimkehr und Vermächtnis. 1921-1924» (1932).

Эдвин Эрих Двингер (1898-1981) родился в семье офицера. Мать его была русской по национальности и с детства обучала его русскому языку, знание которого сыграло немаловажную роль в дальнейшей судьбе автора, в том числе и во время пребывания в плену. Во время Первой мировой войны в 1915 году Двингер попадает в плен. «Die Armee hinter Stacheldraht» повествует о трех годах его жизни в лазарете и в российских лагерях. Как пишет Е. А. Зачевский, Двингер стал в Германии своеобразным специалистом по проблемам взаимодействия русских и немцев, он создал в своих книгах образ народа, жестокого и далекого от европейской цивилизации, однако сохраняющего в себе детскую наивность и истовую религиозность [2, с. 82].

Объектом исследования при моделировании образа Германии и России выступают как отдельные лексические единицы (топонимы, этнохоронимы, реалии быта), так и более широкие контексты, включающие описание Германии и России. Обратимся прежде всего к образу Германии в анализируемом тексте и выделим несколько его составляющих.

1. Географическая составляющая. Образ Германии формируется у читателя, прежде всего, благодаря наличию разнообразных топонимов и этнохоронимов. Несмотря на то, что, казалось бы, все военнопленные находятся в одном положении и для протагониста априори должны были бы быть «своими», он, однако, также делит их на «своих» и «чужих» по национальному признаку. Сначала все они находятся в лазарете в одном зале, однако ему не становится лучше, и его переводят в зал для ампутированных, тогда поблизости не оказывается ни одного немца: *«Zum erstenmal seit meiner Gefangenschaft fühle ich mich unsäglich allein. Wenn wenigstens einer meiner Kameraden bei mir liege... Aber es sind lauter Fremde, Türken und Bosniaken, Österreicher und Ungarn. In meiner Nähe liegt nicht ein Deutscher»* [5, S. 36]. / «Впервые с момента пленения я чувствую себя неопишимо одиноким. Если бы со мной лежал кто-нибудь из моих товарищей... А здесь откровенно чужие, турки и босняки, австрийцы и венгры. Поблизости от меня нет ни одного немца» [1].

2. Культурно-бытовая составляющая. Германия – это дом. Отправляясь из лагеря в лагерь, военнопленные едут по всей России и вспоминают о Германии, о своем доме, о своей земле, воспоминания эти наполнены настоящей тоской, тоской о семье, о своей повседневной простой жизни, о своей работе: *«Bei uns zu Hause», sagt Pod langsam, «sät meine Frau jetzt wohl den Winterweizen an...» «Bei uns zu Hause», sagt Pod weiter, «hat meine Anna das Heu längst eingebracht...» «Bei uns zu Hause...», sagt Pod* [5, S. 79]. / «– У нас дома, – медленно говорит Под, – жена уже сеет озимые... – У нас дома, – продолжает Под, – моя Анна уже давно убрала сено... – У нас дома... – говорит Под» [1]. Символом родного дома в тексте становится именно земля и возможность работать на земле. Многократный повтор таких лексических единиц и словосочетаний, как *Deutschland, bei uns zu Hause*, придает им дополнительные коннотации тоски, ностальгии, утраты.

С образом дома тесно связаны и бытовые реалии, прежде всего названия блюд и напитков немецкой кухни, также формирующие положительный и «домашний» образ Германии. За данными названиями не только определен фрагмент немецкой кулинарной культуры, но и тексты кулинарных рецептов, существующие в действительности, отражающие национальные обычаи и традиции и знакомые всем носителям языка. Приведем следующий пример: *«Wenn ich könnte, würde ich euch allen mal meine Klopse fabrizieren, auf Königsberger Art! Man nehme», fährt er geläufig fort, «Schweine- und Ochsenfleisch, ersteres vom Schlegel, letzteres vom Schwanzstück, treibe es mit Sardellen oder Heringen durch eine Fleischmaschine, verarbeite es mit Brötchen, Eiern, Salz, Pfeffer und gedämpften Zwiebeln»* [5, S. 149]. / «Если бы была возможность, я бы вам как-нибудь приготовил фрикадельки по-кенигсбергски! – быстро продолжает он. – Свинина и мясо бычка, сначала с задней ноги, потом кусок хвоста с сардельками или сельдью прокручиваю через мясорубку, перемешиваю с хлебом, яйцами, добавляю соль, перец и пережаренный лук...» [1]. В качестве примеров названий алкогольных напитков можно назвать *Schnaps (шнэпс)* и *Kaiserlikör (ликер «Император»)*, которые помогают военнопленным «усыплять мозг» и не думать о доме и о происходящем.

3. Патриотическая составляющая. Германия – это Отечество, Родина, сильное, могущественное государство, ради которого они и отправились воевать и готовы были отдать свою жизнь. Однако они не в состоянии понять, как на Родине могли про них забыть и допустить обращение с военнопленными, как с преступниками: *«Ist Deutschland nicht ein starkes, mächtiges Reich? Wie kann es sein, daß man uns solches antun darf? Wir haben doch nichts Böses getan, haben doch nur gekämpft, ehrlich und anständig, für unser Land, wie die andere für ihre Länder?»* [5, S. 111]. / «Разве Германия не сильное, могущественное государство? Как могло случиться, что допустили такое обращение с нами? Ведь не преступники же мы, мы только воевали, честно и достойно, за свою родину, как и другие за свои страны» [1].

С Германией у Двингера, как и остальных военнопленных, сохраняется тесная связь, Германия – это символ всего того, что осталось в прошлом, символ утраченного, возвращение военнопленных в Германию представляется несбыточным, хотя никто из них не теряет надежды вернуться домой. Таким образом, Германия – это и Родина, и Отечество, и дом, с ней связаны в тексте все светлые воспоминания. Трепетное отношение к своей родной стране, Родине и Отчизне, а также к своей национальности представляет собой константу сознания военнопленных.

Ярким контрастом по сравнению с образом Германии в тексте мемуаров Двингера представлен образ России. На протяжении всего текста отношение к России «обостряется» и окрашивается все сильнее в негативные тона. Автор, попав в плен, осознает, что этот мир для него совершенно чужой, **Россия – это тайна и загадка:** *«...und wenn ich auch noch nicht weiß, was Rußland heißt – in diesen ersten ruhigen Stunden ahne ich gleichsam, daß ich mit dem Augenblick meiner Gefangenschaft in eine neue, fremde, unbegreifliche Welt trat»* [5, S. 10]. / «...даже если я еще не знаю, что означает “Россия”, в эти первые, спокойные часы я предчувствую, что с момента своего пленения попал в **новый, чуждый, непостижимый мир**» [1]. Кроме того, в образе России также могут быть выделены следующие составляющие «парадигмы отчуждения»:

1. Географическая составляющая. Образ России приобретает конкретные черты за счет добавления топографических описаний, в книге упоминаются Самара, Уфа, Челябинск, Иркутск, Байкал и др. Каждый из городов, названных в тексте, «обладает своим историческим, социальным, культурным обликом, своим комплексом образов, мотивов, пунктирно намеченных сюжетов и превращен в образно-символическое обобщение» жизни в России [4, с. 62]. Отметим стереотипность восприятия России: прежде всего, актуализируется

образ бескрайних просторов, куда ни ступала нога человека, глуши и захоластья. Сравним: «*Und in dieser gottverlassenen Wettecke sollen wir privatisieren?*», fragt Brünn [5, S. 93]. / «*И в этом забытом Богом захоластье мы должны жить? – спрашивает Брюнн*» [1]. В некоторых случаях образ России создается также с помощью ряда символических деталей, связанных с изображением природы, грязи и холода.

2. **Культурно-бытовой образ.** Бытовые реалии, такие как каша, перловка, водка, квас, чайник, баня, также формируют достаточно стереотипный образ России, в большинстве контекстов данный образ отрицательный: «*Weil es Waschen, Seife und Arbeit erspart, heißt es russisches Bad*» [5, S. 214]. / «*Без мыла, мочалки и прочих затей – русская баня все равно чародей!*» [1].

3. **Политическая составляющая:**

а) **Россия – это государство произвола и отсутствия порядка, это отставшая в развитии страна:** «*Es ist und bleibt das Reich der Willkür – heute wie vor dreihundert Jahren!*» [5, S. 62]. / «*Есть и остается государством произвола – сегодня, как и триста лет назад!*» [1];

б) **Россия – это ад, здесь все найдут свою смерть и гибель:** «*...ich gäbe gern mein Bein, wenn ich damit aus dieser Hölle könnte*» [5, S. 47]. / «*...я с готовностью отдал бы свою ногу, лишь бы вырваться из этого ада*» [1];

в) **Россия – это враг, это государство, с которым надо покончить.** Даже находясь в плену, военнопленные с жадностью пытаются получить хоть какую-то информацию о том, что происходит на фронте, и мечтают только об одном – о конце России. Одна из вечеринок в лагере проходит под девизом «Конец России»: «*Jetzt ist Russland bald geschlagen, ihr sollt sehen!*», ruft Schnarrenberg ekstatisch. «*Noch diese Frühlingsoffensive und unsere Truppen stehen im Petersburg!*» ... «*Stand Napoleon nicht sogar in Moskau?*» Geht es durch meinen Kopf. «*Und... und...?*» [5, S. 141]. / – **Теперь Россию скоро разобьют, вот увидите!** – восторженно восклицает Шнарренберг. – **Весеннее наступление, и наши войска будут в Петербурге!** ... «*Разве Наполеон не был в Москве? – проносится у меня в голове. – И... и что?..*» [1].

Важными дифференцирующими признаками в различении «своего» и «чужого» в мемуарах Э. Двингера становятся этнические, культурные, психологические факторы, а также политическо-идеологические установки конкретного исторического промежутка. Реализация оппозиции «свое – чужое», формирующая образ Германии и России, включает в себя несколько компонентов – географический, культурно-бытовой и политическо-идеологический. Наиболее остро противостояние «своего» и «чужого» в мемуарах Э. Э. Двингера проявляется в оппозиции «Германия-Родина» – «Россия-чужбина» и «Россия-враг», что находит выражение в осмыслении черт как русского, так и немецкого национального характера и дискредитирует Россию и русских. Для военнопленных все в России – «чужое», оборачивающееся несчастьем и страданиями, именно этим объясняется преобладание эмоционально-субъективного в оценках России. Противопоставление Германии как родной, «своей» земли и России как чужбины свидетельствует о том, что на индивидуальное восприятие оказывал влияние существующий уже в некотором смысле стереотипный образ России, функционировавший в массовом сознании. В конечном итоге образ Германии как образ «своего» – это жизнь, а образ России как «чужого» – это смерть.

Список литературы

1. Двингер Э. Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915-1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/german/dwinger_ee01/index.html (дата обращения: 10.10.2016).
2. Зачевский Е. А. Вторая мировая война глазами немецких писателей // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. Литературоведение. 2016. № 2. С. 82-88.
3. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.
4. Чаглыян Шакар Кюбра. Образ Москвы в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 61-66.
5. Dwinger E. E. Die Armee hinter Stacheldraht: Das sibirische Tagebuch. Jena: Diederichs, 1929. 308 S.

IMAGE OF GERMANY AND IMAGE OF RUSSIA AS “NATIVE” AND “ALIEN” (BY THE EXAMPLE OF E. E. DWINGER’S MEMOIRS „DIE ARMEE HINTER STACHELDRAHT“)

Banman Polina Pavlovna, Ph. D. in Philology
Legler Anna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
North Caucasus Federal University
banman.poly@yandex.ru; anlegler@yandex.ru

The article focuses on components of Russia's and Germany's images: geographical, domestic-cultural and political/patriotic, each of which acquires its manifestation in memoirs by E. E. Dwinger, a prisoner of the First World War. As a result, the positive and “light” image of Germany (image of life) and the “dark” image of Russia (image of death) are formed.

Key words and phrases: memoirs of German prisoners of war; image of Germany; image of Russia; contrastive opposition of concepts “native” and “alien”; “estrangement paradigm”.